

временниками, философствующими по поводу Философа, извлекающими из него бездну смысла, даже такого, о каком он и понятия не имел.

Почему философская фигура такова? Потому, что она продукт совместного творчества. В сущности, она — грань некоей «человечности», смутно угадываемой и признаваемой всеми. Она, следовательно, и предмет, и результат совместного философствования современников.

Философия же постмодерна — обязательно философия культуры, создающая собственный предмет и ту культуру, в которой ее предмет имеет значение. Вневременность современника придает культуре характер непрерывного творчества и делает ее беспрестанно изменчивой, текучей, бесцивилизационной. Культура постмодерна бесформенна, она расплывается, втягивая в себя весь мир, потому и вызывает негативную реакцию. Чем больше в Европе постмодерна, тем меньше в ней европейской цивилизованности. Остановить этот процесс — все равно, что остановить наводнение. Оно само остановится тогда, когда зальет все, когда сложится новая, глобалистская цивилизация либо когда история человечества завершится.

Кожев интерпретирует Гегеля, Декомб — Кожева, я — Декомба, в итоге Гегеля узнать уже невозможно. Его трактат становится улыбкой чеширского кота. Каждый интерпретирует, исходя из *своей* современности, потому что ей и только ей свойственны альтернативы смысла и бессмысленности, исторической перспективы и бесперспективности, бытия и небытия. Прошлое — то, что было «до и для меня», будущее — то, что возникнет «после и из-за меня». Лишь это и важно, потому что позволяет надеяться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kojève A. Introduction a la lecture de Hegel. Gallimard, 1947. P. 435.
2. Декомб В. Философия грозных времен // В. Декомб. Современная французская философия. М., 2000. С. 289.
3. Там же. С. 201.

ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ СЕЛИВАНОВ

СВОБОДА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сбейте оковы и дайте мне волю —
Я научу вас свободу любить.

Это слова из одной старой песни. Свобода (воля) в ней отождествляется с отсутствием оков, того, что связывает, от чего субъект зависит. Но есть ли она, эта свобода, в современном мире зависимостей? В. Козьмин так писал об этом:

Человек, он повсюду зависит
От ветров, от снегов, от дождей,
От светила извечного в выси,
От собратьев — таких же людей.

Зависимости увеличиваются, диапазон их расширяется. Америка постоянно хвасталась своей свободой, а оказалось, что и она зависит от террора. Как известно, 11 сентября 2001 г. террористами был разрушен торговый центр в Нью-Йорке и корпус Пентагона в Вашингтоне. Погибли тысячи человек. Американцами овладел страх: ждали новых взрывов, бактериологической войны, распространения сибирской язвы, опасались летать на самолетах и т. д.

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла.
(М. Ю. Лермонтов)

Была ли свобода в этом безумном беге? Нет. Страх овладел Гаруном, парень был трусом. А страх, ужас, боязнь и свобода несовместимы. Недаром еще Эпикур советовал освобождать душу от страхов.

А что делается в России? Посмотрите на решетки на окнах, железные двери в домах. Никто не застрахован от того, что ему перережут горло в подъезде при возвращении вечером домой, не застрелят при выходе из машины у места работы, не ворвутся ночью в квартиру. Разгул преступности сделал нас несвободными. Граждане России не смогут вздохнуть свободно, пока страна не покончит с этим страшным злом.

Новые зависимости порождает стремительное развитие техники. Почти каждый день приходят сообщения об авиакатастрофах, гибели пассажиров. Ограничения на поведение наложила компьютеризация страны. Компьютер принуждает к сидячему образу жизни во время работы, игр, забав.

Калькуляторы отучили детей сначала в Америке, а потом и у нас считать в уме или на бумаге. Как-то болела у меня правая рука, а нужно было сходить заплатить за электроэнергию. Зашла ко мне соседка-студентка, я попросил ее подсчитать, сколько мне платить по счетчику.

— Дайте калькулятор! — говорит она.

— У меня его нет.

— Не смогу тогда подсчитать...

Пришлось мне заняться умножением, преодолевая боль в руке. При известных условиях поработает человека телевизор. Можно рассказывать о зависимости и дальше, но в этом нет надобности.

Нам говорят: «Освободитесь от зависимости и вы будете свободны». В поисках такой свободы становятся отшельниками, бомжами, хиппи и т. д. «Хочу быть свободным!» — говорит мужчина и не вступает в брак. Женщины, чтобы быть свободными, не хотят рожать детей, делают аборты. Не учатся, не работают, избегают службы в армии тоже в поисках свободы.

Но вся штука в том, что, освобождаясь от одной зависимости, субъект попадает в другую, более тяжелую. Хиппи, желая обрести свободу, уходили из дому, от родителей, из страны и скитались по миру. Оказалось, что их свобода хуже рабства. Болезни, голодная жизнь, наркотики, беспорядочные половые сношения сгубили племя скитальцев.

Еще Максимилиан Волошин писал:

И всякий раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.

«Сладкое слово свобода» ведет людей на баррикады, вовлекает в революции, перевороты, в политическую борьбу, но желаемого результата люди не достигают. В советское время в России господствовал произвол должностного лица, теперь — произвол собственника. Это относится даже к высшей школе. Ее задушит платное обучение. В вузы принимают всех, кто может платить. Большинство из них учиться не желает, полагая, что купили диплом и ждут, когда им его принесут. И получают его, если исправно платят. Тяжело жить в обществе, где действует принцип «Все покупается и продается».

Люди ищут волю в освобождении от внешних зависимостей. И не подозревают, что есть такое, что связывает еще более сурово. Цепи, налагаемые пороками, дурными страстями, позорными привычками, глупостью (атасферой), трудно разорвать. Наркотики, пьянство, сексуальная распущенность, обжорство, злоба, зависть, бездумная жизнь поработают. «Раб пороков» — это не просто метафора. Любое рабство исключает свободу. «Я — раб Божий», — говорит верующий. «Раб вещей» — тоже раб. При изъятиях в психике субъект становится рабом навязчивых состояний, фобий, бре-

довых идей. Так что зависимости есть не только внешние, но и духовные.

Раз мы зависим от всего, то, может быть, свободы-то и нет? Утвердительный ответ на этот вопрос — не редкость. Один из героев Леонида Андреева говорил: «Свободы нет, и она не нужна».

Поиск свободы, страстный и настойчивый, был в прошлом, есть он и в современном мире. Свободу часто сводят к субъективной стороне ее, к духовной свободе, без которой нет, конечно, свободы. Андрей Тарковский говорил в «Российской газете» 12 января 1995 г.: «Мне кажется, что свобода не существует в качестве выбора: свобода — это душевное состояние. Например, можно социально, политически быть совершенно «свободным» и, тем не менее, гибнуть от чувства брэнности, чувства замкнутости, чувства отсутствия будущего».

О субъективной стороне свободы много писали философы-экзистенциалисты, особенно Жан Поль Сартр в философских трактатах и в пьесах, в частности в «Мухах». Но еще до них Августин Блаженный говорил: «Тот, кто добр, — свободен, даже если он раб; тот, кто зол, — раб, даже если он король».

О роли душевного состояния, мыслительной деятельности в свободе сказал писатель Лев Разгон, проведенный несколько лет в ГУЛАГе: он никогда не был таким свободным, как в эти годы. Парадоксально, но понять можно, если иметь в виду свободу мыслить, духовную свободу, субъективную, внутреннюю сторону свободы.

Если бы свобода сводилась к душевному состоянию, то простые люди не требовали прав, не бунтовали бы. В конце концов, пленники не совершали бы побегов. Об одном из них рассказал Александр Мищенко в романе «Побег из Кандагара», изданном в Екатеринбурге в 2001 г. Владимир Ильич Шарпатов и его товарищи совершили подвиг, бежав на самолете Ил-76 из талибского плена. Неволя — антитеза свободы. В одном стихотворении Герой России В. И. Шарпатов так писал:

Все вокруг — чужие лица,
Только камень да песок...

Свобода — сложное общественное и личное образование. Виды ее разнообразны: экономическая свобода, политическая, моральная, правовая, духовная, свобода творчества и т. д.

Делает ли субъекта свободным сбрасывание зависимостей? Свобода «от...» существует, конечно. Вспомним хотя бы Вл. Маяковского, который говорил, что он свободен от любви и от плакатов. Но это лишь одна сторона свободы. Вторая выражена в вопросе: а можно ли быть свободным в чем-то?

Вступить в брак и быть свободным в браке? Не от уз брака, а в самом браке? Наняться на работу и быть свободным не от труда, а в труде? В соблюдении норм

2. Знаковыми фигурами современного литературного процесса, только о нем я могу судить, являются Пелевин, Пригов, Немиров и т. д. На мой взгляд, это то самое страшное, что происходит в ситуации, когда человек-толпы утверждает свою легитимность в социуме и как способ достижения легитимности, в искусстве. Это ему удастся через деструкцию власти — «я — человек толпы и имею право им быть»; занижение эстетических ценностей до хи-хи — ха-ха («по приколу» — сленговое); подмену творческого начала, с приоритетом индивидуального выражения, мастеровым, ремесленным началом, с приоритетом «я как ценность, выставленная на продажу». Выход из этого «постмодернистского лохотрона» — во внимании к периферии культуры.

3. Вопрос снова выталкивает меня в табуированную сферу идеологии. Убежден, что с каждым из нас происходит нечто особенное, глубоко личное — и это главное. Осмотреться в том пространстве, где вы находитесь сейчас. Из этого неповторимого места организовать события своей жизни, в которых, присутствуя тотально, мы сможем становиться, а не быть.

права и морали? Или нормы — это вериги, от которых надо освободиться? Вот А. С. Макаренко в одной из лекций говорил: «...Дисциплина ставит каждого отдельного человека в более защищенное, более свободное положение. Представьте себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимаемая самими ребятами очень легко...» [Макаренко 1958: 138].

Суть в том, что осознание необходимости дисциплины, охотное следование нормам поведения устраняют их давление. Субъект при этом условии не чувствует их ограничивающую силу и свою зависимость от них.

Добровольность — неременное условие свободы. Если поступок совершен под принуждением, его нельзя назвать свободным. То же можно сказать о поступке, совершенном неохотно, без желания. Если студент посещает занятия из-за страха наказания, под принуждением, не имеет желания учиться, он не может считать себя свободной личностью. Работники искусства называют себя творческими личностями, но не признают таковыми ученых, изобретателей, врачей, садоводов. Но это неверно, ибо любая деятельность может осуществляться творчески. А творчество, добровольность и свобода неразрывны, как показали такие философы-экзистенциалисты, как Н. А. Бердяев, Симона де Бовуар и другие.

Если субъект, занимаясь каким-либо делом, соображает, как его сделать лучше, проявляет смекалку, удовлетворен результатами, то к нему приходят радость и чувство свободы. Психика свободного человека иная, чем у несвободного.

Все бы хорошо, но охотно, добровольно делают и зло: совершают террористические акты, убийства, кражи, радостно клеветают, занимаются браконьерством, насилуют женщин и т. д. Поэтому поставим вопрос так: можно ли признать за свободные деяния преступления? Нет, нельзя, ибо общество не может позволить разрушать условия его существования и развития.

Свобода имеет и внешнюю, объективную, сторону, заключающуюся в наличии реальной возможности для совершения поступка, в отсутствии препятствий для совершения его. В природе и обществе действуют объективные законы, которые человек не в силах отменить. Он может только им подчиняться и их использовать.

Люди в состоянии изменять юридические законы (нормы), если объединяться в этом стремлении, ибо отдельная личность не может их отменить. Если человек начинает какое-нибудь дело, а оно не может быть осуществлено в наличных природных или социальных условиях, то и нет свободы. В нормальном обществе нет свободы грабить и убивать, клеветать и воровать. Все преступное и аморальное запрещено. Но несвобода этим не исчерпывается. Мы зависим от интеллектуального уровня окружения, от традиций общества и т. д.

Самые несвободные в нашей стране — это самые богатые люди. Жены их обречены на одиночество. В «Аргументах и фактах» (№ 1–2, январь 1995 г.) приводятся слова некоей Лены: самое тяжелое — это «состояние несвободы: постоянные ограничения даже при наличии возможностей». Боязнь за жизнь детей, мужа, свою, давление зависти и недоброжелательства и т. п. Но и отказаться от богатства богатый не может. Известный петербургский предприниматель Марк Горячев сказал об этом так: «Бизнес — это наркотик, он затягивает навсегда».

Субъект обладает свободой воли. Когда нет насилия и принуждения, он поступает по желанию. Он действует в определенных исторических и природных условиях. Его деятельность протекает не в пустом пространстве, она не есть абстракт, оторванный от социальной группы, интересов других людей, социального строя. Действие или бездействие создает или разрушает благо. Благо — объект стремлений, то, что имеет положительную значимость в жизни людей (личности, малой и большой группы), что удовлетворяет и развивает разумные потребности людей, потребности в мере единства личного и общественного. Блага субъекты ценят: благо существует в пределах ценности. Если человек разрушает благо, он,

естественно, теряет свободу, ибо свобода контрарна злу. Зло — разрушение блага, а добро — создание или сохранение блага.

Любой поступок вызван каким-то побуждением и дал какой-то результат. Что побудило человека к деянию — стремление создать благо, сохранить его или разрушить? Было ли создано в результате благо или разрушено? Возможны четыре случая соотношения побуждения и результата.

Рассмотрим их. Но отвлечемся от того, называет ли свои действия субъект добром или злом. Речь пойдет об объективном значении поведения.

Первый. Субъект хотел создать благо и создал его, то есть воля его была доброй и он сделал добро. Такой поступок должен быть оценен как свободный.

Второй. Субъект хотел разрушить благо и разрушил его, то есть сотворил зло. Такой поступок является несвободным.

Третий. Человек хотел создать благо, имел хорошее намерение, но создать благо не смог: не хватило опыта, знаний, силы воли или помешали внешние обстоятельства. В результате может возникнуть даже зло. Это о таких случаях сказано: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Такой поступок имеет лишь внутреннюю, субъективную сторону свободы.

Четвертый. Побуждение было злым, являлось стремлением разрушить благо, но благо получилось в игре случайностей или невольно. Здесь только объективная, внешняя сторона свободы.

Свобода, таким образом, — это доброе душевное состояние и поведение, вызванное стремлением к благу и создавшее его. Есть в моральном отношении только одна свобода: делать добро. Евг. Евтушенко писал:

Тот презренный лакей,
Кто кричит, что свободен он полностью:
У свободных людей
Нет свободы для подлости.

Свобода достигается в обществе лишь в совместных усилиях, когда появляется синергетический эффект — свобода возрастает.

В поэме А. Пушкина «Цыганы» старик говорит Алеко:

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли...

Вот такие люди, которые лишь для себя хотят свободы, — беда для общества. «Диктатура пролетариата» — яркий пример тому. «Анархия — мать порядка» всегда оборачивалась порабощением других людей. Грозные мужья позволяют себе все, но все запрещают женам и т. д.

Признавая какое-то право для себя, надо признать его и для других. Рассуждения о свободе наталкиваются на тот факт, что есть немало людей, которые не хотят ее, отдают свою свободу другим. Отчуждение свободы происходит в обществе с тоталитарным режимом, в тоталитарных религиозных сектах, в шайках и т. д. В них свобода отдается вождю, гуру, главарю. Механизм отчуждения от членов общества или группы показал Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы». В предисловии к 25-му изданию книги он писал: «...Современный человек все еще охвачен беспокойствами и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам — или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат» [Фромм 1990: 9].

Некоторые люди не только не хотят свободы, но и не умеют быть свободными. Свобода быстро превращается в произвол, анархию, беспредел, во вседозволенность. Быть свободным и уметь быть свободным — не одно и то же. Последнему надо учиться с детских лет, приучаясь делать правильное. Найти свободу можно только в правильном.

Можно успешно доказать, что человек свободен, но можно и обосновать что человек не свободен. Если свободу связывать с отсутствием зависимости, то обнаружится, что мы от всего зависим и не зависим.

Верно писал томский философ Д. Н. Приходько: «...свободным может быть лишь общество высокого благосостояния и культуры».

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А. С. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 138.
2. Фромм Эрих. Бегство от свободы. М., 1990. С. 9.

Михаил Григорьевич Ганопольский

ГДЕ МЫ БЫЛИ РАНЬШЕ

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОСТИ И СВОЕВРЕМЕННОСТИ

Где вы были раньше? Наверное, каждому приходилось слышать этот вопрос, которой и вопросом-то не является, а так... то ли упреком, то ли вежливой формой отказа, иногда выражением досады и уж очень редко — искренним сожалением, что мы явились или сделали что-то не ко времени и не к месту.

Однажды я узнал, что готовится сборник, посвященный культуре успеха, точнее ее российской модели. К тому времени публикаций на тему успеха появилось множество, даже издавались журналы «Философия успеха», «Этика успеха» и т. п. Были и у меня кое-какие соображения на эту тему, правда, скептические, но все же... И решил я приступить к делу. Полноценной статьи не получилось, а сами собой родились полемические заметки. Но в редакции сборника их даже не стали читать, а произнесли сакраментальную фразу. Да-да, ту самую: «где Вы были раньше?». То ли я действительно опоздал, то ли на меня и не рассчитывали... И вот спустя пять лет я наткнулся на эти заметки и решил их опубликовать. Тем самым пытаюсь ответить, где был раньше.

Штурмья успех

Атака первая: Недержание словаря

Справедливо замечено, что регулярное обращение к словарям развивает не только умственно, но и физически. Отсутствие физической закалки демонстрируют многие, кто обращается к словарям по поводу слова «успех».

Сравнительно недавно один философ занялся, как он сам выразился, исследованием с помощью Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля слова «успех» и не нашел там его! «Успение» нашел, «успитки» нашел, а до успеха не дошел. То ли не знал, что через «ять» слово пишется, то ли забыл, а скорее всего — просто не успел перевернуть страницу, как уже надо было выпускать из рук словарь. Тяжелым он оказался.

Да ладно. Чего не бывает. Когда культуризм был моден, точно так же подходили к штанге или гире, пробовали поднять и тут же ставили на место. А сейчас в моде словари.

Все бы ничего, да только вывод из этого делается серьезный: